

Глава 47. Деревня Цзюаньлоу 12

Эти слова сквозили сарказмом.

Если бы не неподходящая обстановка, А-Мань, пожалуй, похлопал бы ему.

А те несколько мужчин, которых Ян Чжаолинь так откровенно обозвал, пришли в ярость.

Но резни в итоге не произошло, потому что Ян Хаохао и другие привели старосту.

Спешно прибывший староста остановил назревавший конфликт:

— Что вы делаете?

Он был несколько взволнован:

— Мы все из одной деревни, видимся каждый день, и, если порыться в родословных, мы все — одна семья, связанная кровью. К чему эти распри?

Он уговаривал то одних, то других. А-Мань не поддерживал его, но, когда те ослабили хватку и, повернувшись, стали расходиться, он опустил серп.

Даже при том, что староста уладил конфликт, А-Мань не стал с ним церемониться. Он смотрел на стоявшего перед ним Ян Цяньфаня и его пронзительные и холодные, будто отточенный клинок, глаза сверкали ледяным блеском.

Ян Цяньфань под его взглядом замешкался, затем прошёл мимо него и со вздохом сказал шаманке с А-Гуань:

— Не принимайте близко к сердцу, они просто отчаялись.

А-Гуань поджала губы, обняла свой живот и прижалась к шаманке. Та молчала, и просто смотрела на Ян Цяньфаня, да так, словно смотрела в самую душу.

Могла ли она разглядеть истину — ответ, в общем-то, уже был ясен.

Если бы могла, разве была бы она так удивлена минуту назад?

Ян Цяньфаня не смутило их молчание, и он продолжил:

— Если они снова придут к вам с претензиями, обращайтесь ко мне.

И тихо добавил:

— Я потом ещё поговорю с ними, не волнуйтесь.

Всё-таки не он привёл толпу, и именно он разрешил только что кризис, поэтому А-Гуань с шаманкой не стали грубить ему.

Шаманка тоже сбавила тон:

— Благодарю.

А-Гуань, прикрывая живот, была бледна, словно хрупкий одуванчик, готовый развеяться на ветру:

— Дядя Фань.

Она с усилием выдавила улыбку:

— Спасибо вам.

Ян Цяньфань взмахнул рукой, затем обратился к Ян Хаохао и другим, наблюдавшим за происходящим:

— Уже ночь, возвращайтесь домой. Ночью темно, так что смотрите под ноги.

Он ушёл, но А-Мань и остальные остались.

А-Мань смотрел на удалявшегося Ян Цяньфаня. Ян Чжаолинь ловко приземлился рядом с ним и, глядя на шаманку, уводящую А-Гуань в дом, прошептал:

— Ты ему не веришь.

Это было утверждение, а не вопрос.

К ним подошли Ян Хаохао с Ян Баем, и Ян Вэнем, которые и позвали старосту.

Ян Хаохао как раз услышала его слова и не удержалась от вопроса:

— Почему ты ему не веришь? Если бы он был с ними, он мог бы просто проигнорировать нас или сказать, что мы зашли слишком далеко с шутками... По сравнению с ними, мы и вправду дети.

А-Мань взглянул на неё, явно не собираясь ничего объяснять, и направился в дом, следуя за шаманкой и А-Гуань.

Зато Ян Вэнь сказал:

— Потому что им приходится играть в «хорошего и плохого полицейского».

Он продолжил:

— Задумывалась ли ты, что будет дальше, если они убьют А-Гуань или даже шаманку, а беда не прекратится, и мясо снова кончится?

Уже совершив убийство ради выживания, они не побоятся сделать это во второй, и в третий раз.

Но А-Гуань или даже шаманку они ещё могут убить под предлогом «уничтожения нечисти», тем более что большая часть деревни уже настроена против них.

Но что насчёт девушек из других семей?

Найдутся и несогласные, и тогда им понадобится играть в «хорошего и плохого полицейского». И «плохой полицейский», вероятно, будет следить за всеми.

Кто захочет сбежать... с тем не станут церемониться.

Ян Вэнь неспешно вздохнул и тихо продекламировал: —

Мясо нежнее лепестка лотоса — варят ароматное,

Груды, что пельменями стали, — спешат отведать голодные рты.

Сперва — две руки на крюк повесят,

Потом — бёдра тонко нарежут на суп.

Не дают умереть, чтоб мясо свежим оставалось,

Кусок за куском — в чрево голодное.

Мужская плоть — вонючая, её есть нельзя,

А женская — жирная, упругая, не пропитана потом.

За три дня от тела — душа лишь осталась,

Где в вечерних сумерках мужа искать?

Лучше родиться женщиной-овощем —

Чтоб муж мой дожил до старости.

Сколько людей накормит моя утроба?

Но, слава небу, вороны не склевали меня заранее...□

Закончив, он поднял голову и с чувством воскликнул: —

Рушится гора Тайшань! Обратилась в пыль Хуанхэ!

Сын Неба* мудр, праведники пожирают людей! □

* □□(tiānzǐ) — это один из самых важных и символически насыщенных титулов императора Китая. Он восходит к эпохе Западной Чжоу (ок. XI-VIII вв. до н.э.) и лежит в основе концепции Мандата Неба (□□, Tiānmìng).

У Ян Бая в голове загудело:

— ... Что это было?

Ян Хаохао же поняла:

— Первое, что он прочитал, — это «Песня о человеке-овоще» (□□□□□), примерно описывающая,

как съели женщину, разделив на блюда. Вторая фраза — из «Песни о людоедстве» (□□□□□□), означает, что даже Сын Неба и праведники вынуждены выживать, поедая человечину. Есть и другая трактовка — насмешка над теми, кто поедает людей под благовидными предлогами, ставя себя выше других. □

Объяснив Ян Баю, она нахмурилась и взглянула на Ян Вэня.

Тот заметил её неуверенный и подозрительный взгляд и улыбнулся:

— Сестрица Хаохао тоже находит это странным?

Конечно, странно.

Они не должны были знать таких вещей. Не то чтобы они не учились, просто старшие в деревне, учившие их грамоте, обладали ограниченными знаниями. Этому их просто не учили и не могли научить.

Но для Ян Хаохао то, что говорил Ян Вэнь, и то, что она объясняла Ян Баю, было чем-то совершенно естественным.

Ян Хаохао вспомнила свою сестру.

Их отношения были довольно щекотливыми. Она не любила свою сестру, даже более того, винила её. А её сестра была замкнутой, всегда запиралась в своей комнате... Но почему её сестра была замкнутой? И почему она винила её?

Ян Хаохао в полузабытьи последовала за ними в дом.

Шаманка принесла каждому по стулу и торжественно поблагодарила их.

Некоторые ответили, что не стоит, но А-Гуань тоже принялась благодарить их:

— На этот раз мы вам действительно благодарны... С ребёнком ничего не должно случиться.

Она с тревогой прикрыла живот руками:

— Я так боялась, что вдруг...

А-Гуань не договорила, но по её виду было ясно, насколько она обеспокоена.

Ян Чжаолинъ взглянул на выпирающий живот А-Гуань с видом знатока:

— В твоём животе...

Но он тоже не договорил. Не потому, что не хотел, а потому, что А-Мань проворно заткнул ему рот рукой.

Ян Чжаолинъ: «?»

Он повернулся к А-Маню. Тот убрал руку, даже не взглянув на него, и спросил шаманку с А-Гуань:

— Об этом нельзя говорить, да?

Шаманка с А-Гуань долго молчали, и в итоге шаманка вздохнула:

— Я расскажу вам одну историю.

Она сказала, что расскажет историю, но некоторое время не знала, с чего начать, поэтому после паузы сначала задала вопрос:

— Вы знаете, почему в деревне почитают Бога-Барана?

Этого они и вправду не знали.

А-Мань с остальными покачали головами, и шаманка тихо заговорила:

— Много лет назад тоже был голод, и повсюду. В те времена людей выставляли на продажу как товар. Предок нашей деревни хотел вернуться на родину, но у него не было денег на дорогу. Тогда его жена сказала ему, что готова стать «овощным человеком», чтобы выручить немного денег ему на дорогу. Но с одним условием: когда он вернётся на родину, он должен почитать её как божество. Поскольку дело это было постыдным, его жена велела ему всем говорить, что он почитает Бога-Барана, а ещё — жениться снова, и обзаведётся потомством.

— Так и появился Бог-Баран.

А-Мань слегка приподнял бровь, его взгляд был изучающим, а тон — ровным:

— В этой истории есть логическая неувязка. Раз его жена сказала никому не рассказывать, откуда знаете вы?

Шаманка не ответила на вопрос, а продолжила:

— Позже у того мужчины родились три сына и две дочери. Эти пятеро детей создали свои семьи, маленькие семьи со временем стали большими, и так появилась нынешняя деревня Цзюаньлоу.

Поэтому, когда Ян Цяньфань говорил, что все — одна семья, он не ошибался.

Шаманка:

— Прошли сотни лет. Плоть и кровь потомков, и сила веры возвращали Бога-Барана, а Бог-Баран вскармливал людей. И теперь пришло время нам отблагодарить Бога-Барана.

Она сказала:

— Я говорила об этом со старостой и несколькими старейшинами деревни, когда А-Гуань с А Юном поженились. Они все согласились. Ещё я говорила, что, если они согласятся, в деревню придёт великая беда, но после беды наступит затишье.

И даже несметные богатства и власть... всё возможно.

Просто из-за специфики дела нельзя было заранее обещать какие-либо выгоды.

Но согласие они дали сами.

Они говорили, что раз уж Бог-Баран защищал деревню сотни лет, то они должны сделать всё возможное, чтобы помочь ему.

Они говорили, что раз уж Бог-Баран защитил их от стольких бед, то что им стоит пережить одну беду ради него.

Они говорили...

Все эти дни А-Гуань слышала столько клеветы и обвинений, а та сцена ранее не могла не охладить её сердце, поэтому она тихо вздохнула:

— Человеческое сердце — потёмки.

А-Мань сидел на стуле, скрестив руки на груди, его взгляд был холоден. Он думал, что впереди, пожалуй, их ждёт, что похуже.

Он не верил, что те люди так просто отступят.

Поэтому он спросил прямо:

— Какие у вас планы на будущее?

Шаманка с А-Гуань опешили.

Видя их реакцию, А-Мань криво усмехнулся — эта гримаса была настолько безжизненной, что смехом её назвать было трудно, особенно в сочетании с его глубокими, холодными и пронзительными глазами. От него буквально веяло безмолвным предупреждением «не приближаться»:

— Неужели вы думаете, что они после этого успокоятся?

Он продолжил:

— Мы смогли защитить вас один раз, потому что нам просто посчастливилось оказаться рядом. Но это не значит, что так будет каждый раз. Что, если однажды мы не успеем, и случится беда? Что тогда?

Был ли Бог-Баран жив или нет, его не волновало; какие странные сделки заключали предки с той его причудливой женой — тоже не его дело. Но стоять и смотреть, как живые люди гибнут у него на глазах, да ещё и быть стёртыми с лица земли таким образом... Этого он допустить не мог.

А-Гуань с шаманкой искренне считали, что те люди не способны на что-то серьёзное:

— Староста же сказал, что поговорит с ними. А-Пин вырос вместе с мной и А-Юном. В конце концов, они просто пошумели, и всё. Когда ребёнок родится, всё наладится.

А-Гуань погладила свой живот:

— К тому же, А-Юн скоро вернётся домой.

Она посмотрела на А-Маня:

— А-Мань, тебе лучше больше не приходить сюда.

В её глазах мелькнула тень беспокойства:

— Если ты будешь и дальше помогать нам, боюсь, как бы они не затаили на тебя злобу... Если потом они начнут строить тебе козни... А-Ин ещё совсем маленькая.

Прежде чем А-Мань успел что-то сказать, А-Ин заявила:

— А-Ин не боится!

Она гордо выпятила свою хрупкую грудь, на лице — во многом похожем на лицо А-Маня, хотя и с более мягкими чертами — читалась непоколебимая решимость, а глаза сияли:

— А-Ин, когда вырастет, станет героем и никого не будет бояться! А-Ин вместе с братом будет защищать вас!

А-Гуань рассмеялась, её взгляд смягчился:

— Спасибо, А-Ин. Хорошая ты наша.

А-Мань понимал, что шаманка с А-Гуань были слишком добрыми. Настолько добрыми, что они не могли поверить, будто их односельчане, с которыми они росли, способны на столь дурные поступки. Поэтому он не стал настаивать.

Они не стали засиживаться и вскоре собрались уходить.

По дороге домой Ян Вэнь спросил А-Маня:

— Почему ты тогда не стал дальше расспрашивать?

А-Мань бросил на него взгляд, но не удостоил его ответом. А вот Ян Хаохао, подумав, сказала:

— Бабушка, похоже, не хотела отвечать, так что дальнейшие расспросы были бессмысленны. Но... это и вправду очень странно.

Такое ощущение, будто... происходит куча странных вещей.

.

Когда А-Мань с А-Ин вернулись домой, ни отец, ни мать не сказали им ни слова упрёка, да и вообще не затронули эту тему.

А-Мань смотрел, как мать, склонив голову, перебирает рис, а отец молча сидит на стуле, куря

трубку с табаком из высушенных трав и древесины.

От них обоих исходила какая-то странная аура, словно они были NPC с запрограммированным поведением — неестественные и несколько заторможенные.

Каждый раз, когда А-Мань заглядывал им в глаза, он чувствовал, как лёгкий холодок пробежал по коже.

Но сегодня, в этот самый момент, в его голове внезапно мелькнула мысль, что они похожи на высокотехнологичных андроидов с искусственным интеллектом.

«.....»

А-Мань даже не удостоил их лишней раз взглядом, а просто взял А-Ин за руку и повёл в комнату. Немного помедлив, он всё же сказал ей:

— А-Ин, хочешь сегодня поспать со старшим братом?

К А-Ин он относился куда лучше, чем к другим, не было и тени того безразличного пренебрежения, с которым он обычно общался.

А-Ин хлопала глазами:

— Конечно, хочу!

Она радостно обхватила руку А-Маня:

— Братец А-Мань боится, что со мной что-то случится?

— Мгм.

А-Мань не стал отрицать и не сюсюкался с ней, как с ребёнком:

— С сегодняшнего дня ты ни в коем случае не должна выходить из дома одна и вообще оставаться в одиночестве.

А-Ин энергично закивала:

— Хорошо! Я буду слушаться брата А-Маня!

Однако, едва они улеглись в кровать, в окно постучали.

А-Мань повернул голову и увидел, что за окном, уцепившись за раму и встав носками на узкий выступ, втиснувшись в крошечное пространство, заполняя собой всё окно, маячил Ян Чжаолинь.

Его кровать стояла у стены, он спал с внутренней стороны, а А-Ин — с внешней, так что между ним и Ян Чжаолинем практически не оставалось лишнего места.

А-Мань: «.....»

Он открыл окно. Ян Чжаолинь присел на подоконник, но не стал залезать внутрь, ухмыляясь:

— Я кое-что подслушал. Хочешь послушать?

— ... Давай без лишнего трёпа?

Ян Чжаолинь рассмеялся:

— Я сходил к дому старосты и увидел тех... как их... не помню имён. Короче, тех, кто буянил в доме шаманки. Они кое-что обсуждали.

А что именно обсуждали, по правде говоря, было не столь важно.

Просто Ян Цяньфань предупредил их, что в следующий раз, если там будут ошиваться А-Мань с остальными, и особенно Ян Чжаолинь, чтобы они были осторожны и не буянили. Боевые навыки Ян Чжаолиня в деревне были на слуху у всех, так что, если дойдёт до драки, пусть их и больше, исход схватки предсказать будет трудно.

— Они все заодно.

А-Мань, сидя на кровати, услышав его слова, холодно взглянул на него и безразлично бросил:

— Разве мы не знали этого с самого начала?

Ян Чжаолинь склонил голову набок, но не рассердился:

— И что ты собираешься делать?

Взгляд А-Маня скользнул с его лица на полную луну у него за спиной. Он довольно долго

молчал, прежде чем выдать:

— Что мы вообще можем?

Из желающих протянуть руку помощи А-Гуань и другим были лишь они, горстка детей.

Эта деревня была деревней людоедов, но беда в том, что А-Гуань с шаманкой отказывались верить, что место, где они выросли, может поглотить их.

Что они могли поделать?

А-Мань махнул ему рукой:

— Иди уже спать.

Но Ян Чжаолинь взглянул на его кровать:

— На этой кровати... третий человек не поместится.

А-Мань:

— ?

Он взбесился:

— Я сказал, катись-ка ты домой.

Ян Чжаолинь приподнял бровь, разглядывая его с задумчивым видом, в глазах его плясал неподдельный интерес, который он даже не пытался скрыть.

А-Мань, почувствовав себя неловко под этим взглядом, раздражённо цыкнул и спросил с нахмуренным лицом:

— Чего уставился?

— Ничего. — Ян Чжаолинь расплылся в улыбке. — Просто подумал, что ругаешься ты, А-Мань, очень мило.

А-Мань: «.....»

Психопат.

Увидев, как А-Мань в шоке уставился на него, Ян Чжаолинь рассмеялся, сиганул на карниз и скрылся, не попрощавшись.

А-Мань снова лёг.

Бегло глянув на А-Ин, которая спала глубоким сном, он снова уставился в потолок и закрыл глаза.

.

А-Маня разбудил запах мяса.

Волчий голод в сочетании с мясным ароматом заставил его мгновенно открыть глаза. А-Ин, спавшая рядом, тоже потёрла глаза и пробормотала:

— Братец А-Мань, я очень хочу есть.

Но лицо А-Маня омрачилось.

Он тут же поднялся, взял А-Ин за руку и спустился вниз, где увидел, как отец и мать, пуская слюни, стоят у котла и варят мясо.

Мяса было немного, а котёл был большим, так что это была скорее похлёбка.

Но в нынешних условиях даже немного мясного бульона было на вес золота.

Увидев их, мать с миской в руках произнесла:

— А-Мань, А-Ин, на этот раз наша семья выслужилась, и нам выделили чуть больше мяса. Вы правда не будете?

..... Это был не первый раз.

Сознание А-Маня на мгновение помутилось.

С тех пор, как полмесяца назад в доме закончились последние запасы еды, прошло всего несколько дней, как семья получила кусок мяса размером с ладонь, который им выделил Ян Цяньфань.

Тогда родители ещё дрожали, глядя на тот кусок мяса, плакали и тупо зевали, но на следующий день всё же его приготовили.

Этого куска мяса размером с ладонь им хватило на три дня.

На четвёртый день Ян Туншэн сказал им, что мяса больше нет, так что им придётся растереть кости в порошок и варить из них кашу, чтобы продержаться.

Уже не помнилось, как долго они держались, но вся деревня держалась на этом, и ненадолго их хватило.

Потом ту семью, что отказывалась есть мясо, объявили сообщниками нечистой силы, лесными тварями, что притворялись людьми, а их дочь подменюшем.

И тогда их семья снова получила кусок мяса размером с ладонь.

.....

А-Мань сжал кулаки, ногти впились в ладони. А-Ин спряталась за его спиной, смотря на мясо с покрасневшими глазами, но сдерживая слёзы.

Плакать было бесполезно.

Они понимала, что эти люди, те люди — все они недостойны называться людьми.

Стиснув зубы, А-Мань со злостью в голосе спросил:

— Что вы сделали?

Вечно молчаливый отец наконец заговорил:

— А-Фань велел нам присматривать за нечистой силой в соседнем доме. Вот мы и присматривали, а когда заметили, что она собирается сбежать, доложили А-Фаню. Это большая заслуга!

На его лице расплылась самодовольная улыбка, но в глазах А-Маня это лицо выглядело до смешного жалким.

Выражение его лица было одновременно жалким и отвратительным, с примесью чего-то ничтожного.

А-Мань даже не стал с ними спорить, просто взял А-Ин за руку и вышел из дома.

Найти Ян Хаохао? Или Ян Бая... Или Ян Вэня?

В его глазах мелькнула нерешительность, но в конечном счёте он выбрал четвёртое направление.

Когда он добрался до дома Ян Чжаолиня, то увидел, как девушка, похожая на него на семь-восемь десятых, с ножом в руке размахивает им перед женщиной. Казалось, она улыбалась, но в её голосе сквозила лёгкая, едва уловимая холодность:

— Разве вы не любите человеческое мясо? Если не расскажешь, может мне тогда выковырять твои глаза и сунуть их твоему отцу, а?

А-Мань: «.....»

Закончив, девушка перевела взгляд на него.

Она не была особенно близка с Ян Чжаолинем, но к А-Маню относилась исключительно дружелюбно, а с А-Ин у них и вовсе была особая связь. Увидев А-Маня, она улыбнулась:

— Братец А-Мань.

Девушка помахала ему:

— Ты пришёл спросить, знаю ли я, где держат ту сестру?

Она рассмеялась, выглядев при этом довольно невинно, но слова её были наполнены чистой жестокостью:

— Подожди, я как раз сейчас выясню.

Она указала кончиком ножа на женщину, которую крепко связала:

— Я видела, как она шла с... как их там, не помню. В общем, шла с теми людьми. Она точно знает.

Женщина, заливаясь слезами, яростно мотала головой:

— Я правда не знаю, правда... не знаю...

Девушка тихо рассмеялась:

— Раз уж ты такая бесполезная, тогда глаза тебе не нужны.

Она уже собралась действовать, но вдруг, словно что-то вспомнив, замерла и посмотрела на А-Маня с А-Ин:

— Братец А-Мань, А-Ин, может вам лучше отойти? Эта сцена может быть не для ваших глаз.

А-Мань ещё не успел ответить, как сзади раздался голос:

— Я выиграл.

А-Мань обернулся и увидел неспешно подходящего Ян Чжаолия. Тот вертел в руках ключ, его одежда вся была в пятнах крови, а на шее сбоку остались нестертые кровавые следы.

Он улыбнулся А-Маню, явно бахвалясь:

— А-Мань, я знаю, где заперта та девушка.

Услышав это, девушка взбесилась, резко воткнула нож в бедро женщины и, пока та заходила в беззвучном крике от боли, проговорила, дрожа от ярости:

— Ничтожество! Из-за тебя я снова проиграла!

Она повернулась к Ян Чжаолию, стиснув зубы, с неприкрытой враждой во взгляде:

— Ты специально позволил братцу А-Маню увидеть мой проигрыш!

Ян Чжаолинь приподнял бровь с невинным видом:

— Сестрёнка, так говорить нехорошо. Сама виновата, что бесполезна, разве можно винить брата, что он тебе не помог?

Грудь девушки резко вздымалась.

А-Мань посмотрел на одного, потом на другого, опасаясь, что брат с сестрой подерутся, и счёл нужным вмешаться:

— А-Минь.

Он обратился к девушке:

— Спасибо за желание помочь, но ситуация срочная, и мне нужно сначала пройти с твоим братом.

И немного помедлив добавил:

— ... Я оставлю А-Ин с тобой. Защити А-Ин, хорошо?

Глаза А-Минь мгновенно вспыхнули, гнев как рукой сняло:

— Хорошо!

Она радостно подпрыгнула, желая взять А-Ин за руку, но заметила, что её рука в крови. Тогда она спрятала окровавленную руку за спину и взяла другой:

— Братец А-Мань, не волнуйся, я защищу А-Ин. Даже если умру, я её защищу!

А-Ин, не выказывая страха перед А-Минь, подняла голову и сказала А-Маню:

— Братец, иди, не переживай, я останусь с А-Минь и никуда не убегу.

А-Мань погладил по голове обеих девочек, и только тогда кивнул Ян Чжаолиню:

— Пошли.

Ян Чжаолинь бросил взгляд на А-Минь, которая с возбуждением смотрела на А-Ин, беззвучно послав ей предупреждение, и, получив в ответ дерзкий зырк, раздражённо цыкнул, упёрся языком в острый клык, но в конце концов так ничего и не сказав, последовал за А-Манем.

— Я покажу дорогу.

Он сказал:

— Без этого ключа, не открыть.

А-Мань не стал говорить «отдай ключ, я сам», главным образом потому, что с Ян Чжаолинем будет куда безопаснее.

А-Мань последовал за Ян Чжаолинем к дому Ян Цяньфаня.

Не успели они приблизиться, как Ян Чжаолинь оттащил его в укрытие:

— Округу патрулируют.

А-Мань раздражённо цыкнул:

— Устроили тут чуть ли не тюрьму.

Ян Чжаолинь улыбнулся:

— Возможно, даже хуже тюрьмы.

Ян Чжаолинь провёл А-Маня мимо патрульных внутрь дома Ян Цяньфаня.

Висящий в главном зале алтарь Бога-Барана, уже покрылся слоем пыли, отчего скульптура божества внутри выглядела слегка размытой. А-Мань мельком скользнул по ней взглядом.

Как и у него дома, это был двуногий баран, стоящий на пьедестале, облачённый в роскошные шёлковые одежды.

Статуя божества... вспоминалась с трудом, но, кажется, она была невероятно прекрасной, а не такой, как сейчас, покрытой пылью, с оттенком сострадательной холодности; его глаза с горизонтальными зрачками, по-человечески взирали с высоты на людей внизу, выставлявших напоказ свои уродливые стороны.

Они поднялись на второй этаж.

Ступая по деревянной лестнице, даже с максимальной осторожностью, невозможно было избежать лёгкого скрипа. Ян Чжаолинь открыл трёхпружинный замок* ключом, и они отворили деревянную дверь.

* 三簧锁 (sān huáng suǒ) - механический замок с тремя подвижными пластинами (пружинами) внутри, которые должны быть одновременно выровнены ключом, чтобы замок открылся. Несмотря на название «три пружины», открываются одним ключом — просто механизм сложнее, чем у простого замка. Такие замки использовались в Китае сотни лет, особенно в династии Мин и Цин — они компактные, прочные, часто украшенные.

В тот миг, когда дверцы шкафа распахнулись, А-Мань шокировано уставился внутрь.

В шкафу находилась та самая девушка из соседнего дома, с ампутированными ногами, подвешенная внутри. Видимо, её напоили зельем немоты, потому что при виде них она лишь лила слёзы, не в силах даже крикнуть.

Рука А-Маня, свисавшая вдоль тела, мгновенно сжалась в кулак.

Эти твари —

А Ян Чжаолинь, потирая ключ в руке, вполголоса сказал:

— Многие семьи заранее заперли своих дочерей в платяных шкафах.

Прятали ли они их или готовили как «блюдо» — знали только они сами.

А-Мань слышал, что тесное, замкнутое пространство лучше всего подходит для того, чтобы сломить человека.

— А-Пин! Дядя Фань!

А-Мань ещё ничего не успел сказать, как снизу донёлся громкий мужской голос:

— Что творится в деревне?

Это... брат А-Юн.

А-Мань и Ян Чжаолинь переглянулись и одновременно прильнули к боковой части окна.

Они увидели, как Ян Пинъе вышел к А-Юну:

— А-Юн.

Он сказал:

— Ты даже не представляешь, что тут творилось, пока тебя не было! А-Гуань оказалась одержима нечистой силой, столько погубила в нашей деревне! И твоя мать! Тоже поддалась её чарам!

Услышав это, А-Юн с недоверием уставился на Ян Пинъе:

— Что ты несёшь?

Он даже переспросил:

— Ты сам понимаешь, что говоришь?! Моя мать — шаманка! А А-Гуань...

Он не договорил, но не потому что его перебили.

Об этом нельзя говорить?

А-Мань наверху прищурился.

Ян Пинье выглядел очень встревоженным:

— Мы выросли вместе, делили одни штаны! Разве я стал бы тебя обманывать?!

А-Юн:

— А-Гуань тоже росла с нами!

— Но она же дикарка, которую твоя мать подобрала в горах!

— .....

А-Юн вдруг всё понял:

— Вы говорите, что А-Гуань одержима... а на самом деле имеете в виду, что она и есть нечисть, да?

Ян Пинье не заметил, нервного смешка и скрежета зубов А-Юна, и серьёзно кивнув, с видом «наконец-то ты понял», взволнованно продолжил:

— Да! Ты даже не представляешь, сколько наших сестёр и женщин она уже совратила...

— Где сейчас А-Гуань и моя мать?!

Перебил его А-Юн, схватив за воротник, его глаза полыхали огнём:

— Где они?!

А-Мань смотрел на него и понимал, что А-Юн уже давно подозревал худшее — просто отказывался принять это, всё ещё цепляясь за последнюю надежду.

Но такова реальность —

Ян Пинье, не скрывая, смотрел на него и резко бросил:

— Одна — нечисть, другая — совращена ею, из-за них в деревне в этом году неурожай, мы так долго голодаем! Естественно, с ними разобрались! Та ведьма — главная виновница, чудовище, поэтому мы её сожрали—

— Бам! —

Мощный удар обрушился на лицо Ян Пинье. А-Юн ударил его со всей силы, так что кости затрещали. Его глаза налились кровью, белки покрылись паутиной кровеносных сосудов.

Он словно потерял рассудок, но всё же сквозь стиснутые зубы прорычал:

— Что. Ты. Сказал?!

Но этот удар заставил остальных опомниться, они схватили свои мотыги и ринулись на него.

А-Юн отшвырнул Ян Пинье, у которого, вероятно, череп был раздроблен этим ударом. Он смотрел на этих односельчан, окруживших его, на тех, кого он называл дядями, даже дедами...

И А-Юн внезапно рассмеялся.

Он хохотал, до крови закусив губу, с горьким отчаянием. И когда один из них занёс над ним серп, он без колебаний схватил его.

Он и вправду обезумел.

Из глаз А-Юна текли кровавые слёзы. Он вырвал серп и, словно сама смерть, принялся крушить всё на своём пути, приговаривая:

— Хорошо, хорошо... Прекрасно!

— Сдохните все!

— Сдохните, ха-ха-ха-ха!

— Таких, как вы, Бог-Баран тогда не должен был спасать!

— Ха-ха-ха-ха, Бог-Баран, смотри же, вот потомки тех людей, кого ты избрал, стадо скотов!!!

— Бог-Баран!!! Ты и вправду ослеп!!!! Тогда не следовало выбирать того скота, что согласился променять жену на деньги на дорогу!!!!!!

...

А-Мань стоял у окна и, увидев, как один человек заносит топор за спиной А-Юна, не раздумывая швырнул стоявший рядом керамический горшок, угодив тому прямо в спину.

Ян Чжаолинь не успел ничего сказать, как А-Мань уже спрыгнул вниз.

Он зажал голову мужчины, оказавшегося как раз под окном, между колен, резко провернулся в талии, сломал ему шею, и, используя инерцию, перевернулся в воздухе, приземлился и перехватил клинок, которым А-Юн в глубочайшем отчаянии собирался покончить с собой.

А-Юн от природы обладал недюжинной силой, с ним было не совладать. Только когда Ян Чжаолинь тоже спустился, встав за его спиной, так что грудь слегка коснулась его спины, и поверх его руки перехватил руку А-Юна, им удалось сдержать его.

— Твоя мать пока не найдена. Возможно, у неё есть способ всё исправить, спасти А-Гуань.

Одной этой фразы хватило, чтобы А-Юн немного пришёл в себя. Он смотрел на А-Маня с Ян Чжаолинем с недоумением, пробормотав:

— Кто вы...

Оба замешкались, но затем А-Юн снова встрепенулся, словно очнувшись ото сна:

— А, вы - А-Мань и А-Линь.

— Угу.

А-Мань не стал болтать лишнего, лишь схватил его за запястье и тихо спросил:

— Брат А-Юн, где может быть твоя мать?

А-Юн пошевелил губами, но не успел ничего сказать, как в них полетела мотыга.

Ян Чжаолинь среагировал мгновенно, подняв руку, схватил мотыгу и одновременно другой рукой обхватив А-Маня за талию, слегка оттянув его, заставив отпустить запястье А-Юна.

А-Маню было не до упрёков, потому что они увидели, как все ещё живые деревенские мужчины, непонятно как, появились за изгородью, взяв их в плотное кольцо.

В их взглядах не было страха, они лишь пристально наблюдали за ними не мигая, подобно голодным волкам, завидевших мясную кость, что даже порой мерещилось зелёное свечение —

— Справимся?

— Даже если нет, всё равно придётся сражаться.

Ян Чжаолинь достал кухонный нож и серп, что прятал за поясом под одеждой. А-Мань понял его намёк:

— Оставь себе.

Он тоже вытащил из кармана маленький кухонный нож, завернутый в тряпку.

Ян Чжаолинь не смог сдержать улыбку, затем резко рванул с места, выпрыгнув вперёд.

Он не мог разделить, и сложно было уследить за всеми сторонами сразу, так что А-Маню тоже пришлось действовать.

Когда первый серп для прополки обрушился на него, А-Мань сначала закрыл глаза и отпрыгнул.

Мгновенно выстроив в голове необходимые образы во второй раз, он без колебаний нанёс удар, одним движением вспоров живот нападавшему, одновременно откинувшись назад, чтобы избежать другого серпа, занесённого сбоку, затем резко кувырнулся, взмыв в воздух, и вонзил нож в тело одного из людей, дважды его провернув.

Приземляясь, А-Мань выдернул нож, и по траектории движения лезвие прочертило линию по горлу мужчины, который уже занёс над ним мотыгу.

У него не было способностей как у кое-кого, ему не удавалось избежать крови, тошнотворно густой металлический запах окутал его с головы до ног.

Его желудок даже не успел среагировать, ситуация стала настолько критической, что ему пришлось немедленно привыкать к этой кровавой, жестокой бойне.

Ещё один мужчина с серпом и другой с граблями вместе атаковали его!

А-Мань не мог полагаться на то, что его силы превзойдут их двоих, поэтому он снова отклонился назад, согнув колени почти под прямым углом, едва избежав сиюминутной угрозы. В его глазах отразились два оружия, оказавшиеся в непосредственной близости, а его рука резко взметнулась, нанося молниеносный удар!

На запястьях обоих зияли глубокие раны, оружие выпало, а А-Мань, изогнувшись в опёртую на землю «С», и два оружия со свистом пролетели над ним, врезавшись в землю.

В момент приземления ноги А-Маня оторвались от земли, он резко оттолкнул обоих ногами, затем снова повернулся в талии, на этот раз оторвав от земли руки, и за счёт мощных мышц пресса он буквально совершил вращательное движение в воздухе и приземлился.

Правда, поза при приземлении была не самой изящной.

Он стоял на одном колене, видя, как над ним заносится ещё один кухонный нож. А-Мань понимал, что не успеет среагировать, и уже собирался подставить свой маленький нож, уперев ладонь в обух, чтобы блокировать удар, но в следующую секунду голова того человека отлетела.

Зрачки А-Маня сузились. Это был Ян Чжаолин, его волосы были в крови, и держа в одной руке серп, а другой смахнув с щеки обильные брызги крови, он ещё и пнул его.

Ян Чжаолин приподнял бровь, в его красивых персиковых глазах читалось не только кровавое возбуждение, но и ледяная жажда убийства, которые переплетаясь, делали его похожим на нисшедшего бога войны — даже более, чем обезумевшего А-Юна.

Прекрасный, ослепительный бог войны.

Уголки губ Ян Чжаолина поползли вверх, его улыбка была дерзкой, необузданной и с оттенком безумия:

— А-Мань.

Он сказал:

— Смотри, мы, кажется, идём одной дорогой.

Лу Хуэй пришёл в себя и, не моргнув глазом, ткнул за спину, поразив того, кто хотел напасть на него сзади:

— ... Мы с тобой разные.

Мин Чжаолинь склонил голову набок, его улыбка стала ещё безумнее:

— Как свет и тень, да?

Лу Хуэй не ответил на это, вместо этого произнес:

— Янь.

[Использована декоративная карта: Фокус с шляпой]

В тот миг, когда в его руке появилась карта чёрного, золотого и красного цветов, перед ними возник мужчина, весь в огне, не отличавшийся от Мин Чжаолиня ничем, кроме цвета волос, глаз и одежды.

И в тот же миг мир вспыхнул, как если бы кто-то поджёг фотографию — огонь охватил всё вокруг, а пепел посыпался, как снег.

Чёрный и красный снег.

Лу Хуэй поднял голову и тихо произнёс:

— Я слышал, я видел.

Ты плакал, ты стонал.

_____

Примечание автора:

Прим. □: Из «Плача о человеке-овоще» Цюй Дацзюня.

Прим. □: Из «Песни о людоедстве» Чжан Минби.

Прим. □: Часть объяснения Хаохао здесь была придумана для сюжета.

_____

* Цитата из «Плача о человеке-овоще» (菜人歌) — стихотворения Цюй Дацзюня (1630–1696), поэта ранней династии Цин. «Цай жэнь» (菜人, букв. «овощной человек») — термин, использовавшийся в китайских исторических источниках для обозначения людей, которых во время массовых голодовок (особенно в период социальных потрясений, например, в конце династии Мин и начале Цин) продавали или забивали ради мяса, подобно скоту. Слово «овощ» здесь иронически противопоставляется «мясу», подчёркивая одновременно человеческое достоинство и ужасную реальность превращения человека в пищу. В стихотворении Цюй Дацзюнь с глубокой скорбью описывает женщину, добровольно продающую себя как «цай жэнь», чтобы спасти семью от голода.

** Цитата из «Песни о людоедстве» (人食人歌) — произведения Чжан Минби (конец XVI — середина XVII вв.), литератора поздней эпохи Мин. Название переводится как «Песнь о том, как люди едят людей». Это стихотворение — резкое свидетельство ужасов гражданской войны, засух, эпидемий и разрухи в последние десятилетия правления Мин, когда голод достиг таких масштабов, что каннибализм стал массовым явлением.

<http://bllate.org/book/12898/1275334>